

Максим Горький на Кавказе

*К. Г. Ачмиз**

Летописец правды жизни (М. Горький и Кубань)

Статья посвящена роли Кубани в творческом развитии и профессиональном становлении А. М. Пешкова (М. Горького), который по его собственному утверждению явился в мир «чтобы не соглашаться» и художественным словом бороться за утверждение в обществе идей социальной справедливости, коллективизма, равноправия, товарищеской взаимопомощи. Подробно описаны дни пребывания А. М. Горького в Майкопе во время «чумного бунта». Подчеркивается, что «Песнь о Буревестнике» и «Песнь о Соколе» А. М. Горького стали одними из первых произведений русской художественной культуры, переведенных на адыгейский язык. Отдельный раздел статьи посвящен влиянию А. М. Горького на становление и развитие младописьменных литератур, в частности, адыгейской. Автор обращает внимание на то, что высокая оценка А. М. Горьким первого сборника адыгских сказок, подготовленного П. Х. Максимовым, стимулировала активизацию сбора и публикации сказочного жанра адыгского фольклора.

Ключевые слова: М. Горький, босяк, горец, иногородний, казак, мещане, фольклор, адыгейская литература.

* **АЧМИЗ Казбек Гучипсович** — доктор исторических наук, заведующий отделом истории Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева, Майкоп, Россия. Электронная почта: kazbek.achmiz@mail.ru

Тема «М. Горький и Кубань» не обойдена вниманием исследователей. Об этой странице творческой деятельности «буревестника революции» писали в своих литературно-критических статьях кубанские литераторы Н. Ф. Веленгурин, Л. А. Степанов и др.[5, 16] Впервые имя Горького появилось в печати 12 сентября 1892 г., когда в тифлисской газете «Кавказ» был напечатан его рассказ «Макар Чудра», подписанный псевдонимом М. Горький. В небольшом по объему рассказе старого цыгана Макара Чудры были заложены идеи свободы, красоты, радости жизни, стремление героев быть на земле человеком. Сюжет рассказа был навеян впечатлениями М. Горького об увиденном на южных рубежах России.

Вскоре произведения молодого писателя появляются в казанской газете «Волжский вестник» и в нижегородской — «Волгарь». Первым критиком и учителем юного писателя был В. Г. Короленко, прочитавший в 1889 г. рукопись поэмы «Песнь старого дуба», написанной ритмической прозой и стихами, а также несколько стихотворений. Следует заметить, что первые литературные опыты ранней юности Горького, когда он начал писать стихи, больше относятся к жанру народной песни. Позже образцом для него стали романтические произведения Пушкина, Лермонтова, Гейне, а также поэзия Некрасова. В поэме, с которой ознакомился В. Г. Короленко, была знаменательная фраза: «Я в мир пришел, чтобы не соглашаться», определившая жизненную позицию Горького. Однако произведения были слабы с точки зрения художественной формы. И об этом Короленко прямо, но с большим тактом сказал молодому поэту. После суровой оценки первых опытов Горький около двух лет ничего не писал, а тетрадь с поэмой и стихами сжег.

Одним из первых крупных русских писателей, проложивших дорогу к излучине Азовского и Черного морей, был А. С. Пушкин. Дорога к лукоморью, по свидетельству Н. Ф. Веленгурина, долгое время была одной-единственной, связывающей Черноморию со Ставрополем, являясь кратчайшей из Владикавказа в Крым. По этой дороге совершали

свой путь многие выдающиеся русские писатели XIX века. Пребывание М. Ю. Лермонтова завершилось созданием шедевра русской и мировой литературы — повести «Тамань». На Кубани служили рядовыми солдатами и офицерами многие писатели-декабристы, которые находились на поселении в Минусинске, Якутске, Чите и Ишиме. Император Николай I «милостиво» заменил им холодную Сибирь на теплую — Кавказ. Край тогда не был обжит и освоен. Огромные ее территории покрывали плавни и болота, она отличалась гнилым климатом, свирепствовала лихорадка.

В разное время на Кубани жили А. А. Бестужев-Марлинский, П. А. Катенин, С. И. Кривцов, Н. И. Лорер, А. И. Одоевский, Е. Е. Лачинов, А. Е. Розен, М. А. Назимов, А. И. Черкасов, И. П. Игельстром, М. М. Нарышкин, А. П. Беляев и др. Кубань стала заметной страницей их жизни, здесь они создали ряд своих ярких художественных произведений. С Кубанью связано творчество Глеба Успенского, известной писательницы, соратницы Добролюбова и Герцена Марии Александровны Вовчок (Марко Вовчок) и др.

С 1895 г. А. М. Горький становится профессиональным литератором, сотрудничает в «Самарской газете», «Одесских новостях», а с 1897 г. он уже печатается в столичных журналах — «Новое слово», «Русская мысль», «Северный вестник» и др. В 1898 г. выходят два тома, а через год — третий том «Очерков и рассказов». Его имя становится известным не только в России, но и за ее пределами.

Воздавая должное великому писателю и другим выдающимся деятелям русской литературы, в творчестве которых нашли отражение события, происходившие в разное время на Кубани, руководство Краснодарского края, по инициативе краевой писательской организации, предприняло в 80-е гг. XX в. издание серии книг «Кубанская библиотека» из 20 томов [7]. Один из томов был посвящен А. М. Горькому и включал произведения, напрямую связанными с впечатлениями писателя о пребывании в этом благодатном крае. Том, посвященный А. М. Горькому, представлял собой сборник,

названный «Рождение человека», в который было включено 12 рассказов и очерков. Они были написаны в разные периоды жизни писателя: с 1893 г. («Челкаш») по 1923 г. («Чужие люди»).

К примеру, в рассказе «Челкаш», написанном по предложению В. Г. Короленко для журнала «Русское богатство» буквально все — гранит, железо, дерево, мостовая гавани, суда и люди — дышит мощными звуками страстного гимна Меркурию. Как известно, в римской мифологии Меркурий — бог торговли, купечества, прибыли, обогащения, счастливой удачи. Образ Меркурия в рассказе «Челкаш» был вызван бурным развитием в 90-е гг. XIX века черноморских портов и морской торговли.

Чтобы полнее охарактеризовать Кубань второй половины XIX века, когда началось освоение территории «от Анапы до Поти», и левобережья Кубани, вошедшей по условиям Адрианопольского мирного договора, завершившего русско-турецкую войну 1828—1829 гг., в состав России, необходимо совершить небольшой исторический экскурс. Еще в 1792 г. после очередной русско-турецкой войны все правобережье Кубани было подарено императрицей Екатериной II запорожскому казачеству и на этой территории стало формироваться Кубанское казачество, как надежда и оплот престола и российского государства в защите и охране ее южных рубежей, как военное сословие. С Кубанью связана военная деятельность прославленного полководца России А. В. Суворова, который еще в 1777 г. в чине генерал-поручика был направлен сюда для установления мира между черкесами и кочевавшими по степям Северного Прикубанья ногайцами, с которыми Россия была в мирных отношениях. С этой дипломатической миссией он справился блестяще. С его именем связано и строительство укреплений, составивших Кубанскую кордонную линию протяженностью 540 верст от Черного моря до Ставрополя. 9 крепостей и 20 фельдшанцев «набросили узду на закубанских черкесов», доложил он своему начальству. Позже добавил, что «заречные жители живут спокойно, и дальних предпри-

имчивостей (набегов — К.А.) от них не предусматривается. Но изредка от некоторых бродяг на наши разъезды бывали перестрелы, только без всякого урона. Впрочем, у нас тихо и все благополучно» [24].

8 февраля 1860 г. был издан указ о наименовании правого крыла Кавказской линии Кубанской областью, левого — Терской областью. К правому крылу относилась территория от северо-восточного берега Черного моря до верховьев р. Малки, включавшая земли Черномории, Старой Линии, Черноморское побережье, а также вновь занимаемые пространства за левым берегом Кубани. 19 ноября того же года Черноморское казачье войско, в состав которого вошли шесть бригад Кавказского линейного войска, было переименовано в Кубанское [9, с. 120]. Одновременно были созданы в области 7 отделов. С этого времени вся эта территория получила в общественном сознании Российской империи наименование Кубань.

После отмены крепостного права (1861 г.), окончания Кавказской войны (май 1864 г.), итогом которой стало вынужденное переселение коренного народа — адыгов (черкесов) в Турцию и другие страны Ближнего Востока, а также на Балканы, ее население стало быстро расти за счет пришлого, в основном христианского населения. По официальным данным в этот период вынуждены были покинуть свою землю 493 тыс. горцев [4, с. 7]. Если в 1861 г. иногороднее население составляло 5243 чел. (1, 3%), то через 20 лет — 236,8 тыс. чел. (около 30%) всего населения Кубани. В 1890 г. в области проживало 1336, 1 тыс. чел., в том числе казачество составляло 646,2 тыс. чел. (48,3%), невойсковое сословие составляло 689,9 тыс. чел., в том числе около 104 тыс. горцев (7,8%). Большинство из числа иногородних не имели возможности приобрести землю и пополняли ряды батрачества. Цена одной десятины земли со 160 руб. поднялась до 400 руб. к началу Первой мировой войны. Ежегодно сюда на Кубань на заработки прибывало до 100 тыс. чел. и более. Пик прибывающих на заработки

достиг 345 тыс. в 1892 г., в связи с голодом, охватившим губернии Среднего Поволжья [14, с. 9]. Грубые обшаривания рабочих розгами на табачных плантациях, к примеру, были обычным явлением. Работа производилась «в долг» до продажи плантатором продукции. О тяжелой участи таких рабочих, как «вполне соответствующих американскому своему сотоварищу-негру» писал в 80-х гг. Г. Успенский после своей поездки по Кубанской области [19, с. 549]. Отношение к лицам, прибывающим на заработки, хорошо передано и в очерке М. Горького «Два босняка».

«Сняв шапки, голодающие стояли понуро, говорили тихо и просительно, и из каждой складки их рваных армяков сияло печальное сознание беспомощности и той угнетенности духа, которая, подавляя человека, делает его каким-то деревянным автоматом, в одну секунду готовым подчиниться чужой воле.

С подрядчиком говорил низенький чернобородый мужик с желтым лицом и живыми, но подернутыми дымкой печали глазами...

- Будь благодетелем, господин, возьми! Мы за всякую цену согласны, нам бы на кусок только, потому как больно мы ослабли животами!

Сзади раздавались вздохи. Подрядчик, сырой и толстый человек средних лет, с болезненным лицом и серыми сощуренными глазами, задумчиво барабанил пальцами по своему животу и разглядывал артель.

- Возьми, сделай милость. Мы те в ножки поклонимся!.. — И мужик стал опускаться книзу.

- Ну, ну! Не надо, — сказал подрядчик, махнув рукой. — Ладно, беру. Всех беру. Полтина в день, харчи ваши...

Мужик почесался и, вздохнув, оглянул свою артель. У нескольких его товарищей по грустным лицам прошла как бы неуловимая тень, и они тоже вздохнули. Чернобородый мужик крикнул и переступил с ноги на ногу.

- У тебя вон работают на твоих харчах по шесть гривен... — робко заявил он.

- Ну? — строго спросил подрядчик.

- Ничего... мы бы не хуже...
- Не хуже! Знаю я. Те смоленские, исконные землекопы.
- Больше все наши как будто...
- Какие это ваши?
- Самарски... пензенски, симб...
- А ты вот что: хошь работать — иди и становись, а не хошь — пошел... Ну? Тот-то! Иди... Сколько человек?
- Нас-то? Нас восемнадцать... А трое вон не наши... — мужик кивнул головой в сторону, где стоял я и двое босяков.

Подрядчик поднялся, поглядел на нас, и на его толстом лице появилась злая гримаса.

Щеки и губы дрогнули, он сжал кулак и, подняв его, закричал:

- Вы опять пришли. Дьяволы? Ах ты!.. И скоро ли это вас в каторгу сошлют! Где лопаты? Где кирки? Воры! Мерзавцы! Ведь кабы время мне, я бы вас усадил в одно место...» [7, с. 69].

Надельно-общинные земли оставались основой казачьего и горского землевладения. Пашня составляла до 50% всего земельного фонда. На казачий двор в среднем приходилось в начале века 14,4 десятины земли, у горцев — 7,5 десятин. До 1/3 и более земли сдавалось в аренду, широкое распространение получила субаренда. Ярмарки уступают место постоянно действующим базарам.

В 1906—1911 гг. Кубань выходит на первое место в России по производству зерна на душу населения. Главной культурой в сельском хозяйстве становится озимая пшеница.

После отмены крепостного права и начавшихся экономических реформ, в России быстрыми темпами стали развиваться капиталистические производственные отношения. Учитывая сельскохозяйственную направленность региона, большинство строившихся промышленных предприятий было связано с переработкой сельскохозяйственной продукции. Рабочий класс на Кубани стал формироваться в 80—90-е годы XIX в. Наиболее многочисленным его отрядом являлись сельскохозяйственные рабочие.

В начале 80-х гг. XIX в. в России был разработан новый план железнодорожного строительства. В числе 17 железных дорог, указанных в представлении Министерства путей сообщения, новороссийская ветвь Ростово-Владикавказской железной дороги к Черному морю была отмечена как одна из «наиболее необходимых». В связи с этим уже осенью 1884 г. был принят проект железнодорожной линии Тихорецкая-Новороссийск. В результате открытия железнодорожного сообщения в 1888 г. в Новороссийск стало поступать большое количество зерна с Дона и Поволжья, Ставрополя и Кубани. Каменные амбары уже не могли обеспечить необходимый объем хранения, и Обществом Владикавказской железной дороги было принято решение о строительстве Новороссийского силосного амбара-элеватора. Автором проекта был архитектор С. И. Кербедз, а строительство вел инженер А. Н. Щенснович, под руководством которого на территории элеватора построили также и первую в мире электростанцию трехфазного тока мощностью 1200 кВт. Строение из красного кирпича архитектор разделил по протяженности здания на две равные части, поставив между ними возвышающийся многоэтажник. На момент постройки его в 1894 г., новороссийский элеватор был крупнейшим в Европе и занимал второе место в мире после Чикагского. Новые мощности позволили увеличить экспорт зерна из страны до 40–45 млн. пудов в год, что составило 655–737 тысяч тонн. Вот как описывает современник пуск элеватора и электростанции при нем в октябре 1894 г. «...Против вокзала возвышается огромное 9-этажное каменное здание, достигающее 30 саженьей высоты с громадными зернохранилищами, длинной эстакадой, как бы висящей в воздухе, для быстрой выгрузки зерна на иностранные пароходы. Искусство техники приспособило такое устройство, что зерно в своей массе, благодаря электрической силы, течет и льется как жидкость, переходя из амбаров прямо в суда. Крайне любопытное зрелище внутри элеватора во время его работы представляет собой эта золотая река зерна, которая быстро несется перед глазами

вверх, переходя из одного этажа в другой и, наконец, достигнув шестого этажа, подвергается очистке и уже очищенное от пыли в восьмом этаже взвешивается и после этой операции чистое зерно стремится на пароход...

Всех рабочих при элеваторе 60 человек. Погрузка на пароход лентой 10 000 пудов пшеницы происходит в течение 1 часа 40 минут. Эти 10 000 пудов вмещают в себя каждые зернохранилища, которых всех 882. Можете себе представить, какая масса хлеба может содержаться в элеваторе и какое количество может быть отгружено в короткое время, когда можно одновременно грузить 4 парохода лентой и 4 вагонами».[6, с. 242—243]

Несколько ранее, в 1893 году на территории предприятия завершилось строительство промышленной электростанции трехфазного тока. Еще одно уникальное сооружение того времени! Здесь применялась схема российского инженера-электротехника М. О. Доливо-Добровольского, который разработал и подарил миру трехфазный генератор переменного тока. Электростанция предназначалась для обеспечения питанием электродвигателей механизмов элеватора. Чертежи для станции выполнила швейцарская фирма «Броун-Боверн», а все основное электрооборудование было изготовлено на месте в механических мастерских уже местными кулибиными. Станция имела 4 генератора по 300 кВт общей мощностью 1200 кВт.[8]

На рубеже XIX—XX вв. через Новороссийский элеватор экспортировалось три четверти всего российского зерна, более 30 миллионов пудов ежегодно, или 480 тысяч тонн.

Резко возрос удельный вес иногородних. В 1904 г. они составляли 50%, казаки - 44,2% всего населения [14, с. 7]. Если к началу XX в. на Кубани проживало 1, 9 млн. чел., то по сельскохозяйственной переписи 1917 г. оно уже составило 3051,2 тыс. чел., в том числе 2794,4 тыс. чел. (91,6%) сельского и 256,8 тыс. чел. городского (8,4%). По темпам заселения Кубань находилась на третьем месте в России после Томской и Петербургской губерний.

Большинство исследователей считают, что на Кубани в 1917 г. социальный состав населения характеризовался следующими данными (в % %):

	Бедняки	Середняки	Богатые
Казачи	25	50	25
Иногородние	62,6	30,1	7,3
Горцы	70	20	10

Вот с таким раскладом, заключавшим в себе огромные противоречия, Кубань и вошла в революцию 1917 г. [14, с. 8] Этот расклад и предопределил развитие социальных отношений в первые послереволюционные годы в регионе (казачьих областях Юга России — К.А.).

Ситуация, сложившаяся на Кубани после отмены крепостного права в России хорошо охарактеризована в работах видного российского ученого-историка И. Я. Куценко. В одной из них историк отмечает, что «после ликвидации крепостного права, резкой перемены курса в сторону капиталистической перспективы казачье сословие осталось наиболее монархическим образованием. Почему? В то время, когда товарно-денежные отношения безжалостно сокрушали пережитки феодализма, не щадя даже помещичьей собственности и благополучия дворянства, казачье войско было единственной общенациональной структурой, благополучие и сама жизнь которой всецело продолжали базироваться на принципах векового прошлого, на монаршей воле. В пореформенное время казачество осталось реальным слепком столь милого для помещичьих кругов и правящей имперской элиты старинного нравственного комплекса, выросшего из сословно-дворянского понимания права землевладения за службу, феодального долга перед царем и представлявшими его инстанциями» [10, с. 258]. Вновь выявленные материалы позволили высказаться более определенно: «Самое яркое и значимое свидетельство... заключается в неопровержимом уточнении социальной сущности казачества конца XIX века. Оно являлось наиболее монархическим из всех имевшихся тогда в России общностей.

Причем это качество носило подчеркнуто обслуживающий помещичье-буржуазный режим характер. Ибо весь существовавший общественный и политический строй, следовательно, все его казенные составляющие являлись таковыми... Не было ни одной другой организованной, устойчивой, массовой структуры, которая могла бы сравниться с казачьей по силе пронизывающего ее царистского духа и традиций, служебной ответственности перед самодержавием. Следует с полным основанием утверждать: казачье войсковое сословие в его официальном выражении стало воплощением и столпом монархизма. Его национальная принадлежность к русскому народу и особенности этнического самовыражения были общеизвестны. В тогдашней обыденной жизни, с точки зрения политических приоритетов, они, однако, имели вторичное, подчиненное официальной функциональности войска значение. В свое время В. И. Ленин отметил: положение слоев, из которых берется прислуга, соединяет «очень умеренную дозу народолюбия с очень высокой дозой послушания и отстаивания интересов барина».[11, с. 140] Социальный типаж лакея самодержавия как идеал казачьего служения навязывался станичникам арсеналом воспитательного воздействия, со временем был принят казачьей массой. Тут уместно оговориться: наверное, не всей, были казаки, которым претила такая предназначенность, что вполне возможно. Но мы имеем в виду официально сформулированное отношение монархического государства к войсковому сословию и реагирование на него сословия как такового» [10, с. 34, 35]. Мы далеки от мысли это приведенное обобщение ставить в вину обвинением казаков. Адресат, ответственный за сложившееся тогда положение, отмечает И. Я. Куценко, известен. Это государство царской самодержавности, итогом длительной, целенаправленной политики которого стали противопоставление казачества родному народу, превращение его в послушную царизму консервативную силу. Следует особо подчеркнуть, что до событий революции 1905—1907 гг. кубанское казачество добросовестно исполняло роль «надежды и опоры престола

и российского государства». Так было. Но в самый пик революции 1905 г. ситуация изменилась. Правительство принимает решение использовать казаков для умирения восставших. Самым крупным военным выступлением на Северном Кавказе стало восстание 2-го Урупского полка и 14-го Кубанского пластунского батальона, сформированного из казаков Майкопского и Лабинского отделов. Казаки объяснили причину своего решения отказаться от выполнения приказа: «Слепо повинаясь нашему начальству, мы ревностно исполняли все его приказания: били народ плетью, разгоняли его прикладами, расстреливали безоружных граждан на улицах, топтали их конями. Теперь же, — писали далее казаки, — мы категорически отказываемся от несения полицейской службы, видя ее преступность, считая ее несовместимой с воинской честью казака» [14, с. 52]. Восстание было подавлено. Всего по делу Урупского полка было привлечено 39 чел. Выборный командир 2-го Урупского полка Курганов А. С. был приговорен к смертной казни, замененной 20 годами каторги. Урупцев заставили вторично принять присягу. В последующие годы, вплоть до событий 1917 г., царские власти для умирения недовольства рабочих и крестьян, разгона демонстраций всегда опирались как на надежную полицейскую силу — казачество.

Все эти социальные противоречия, раздиравшие кубанское общество ярко раскрыты в произведениях, написанных и навеянных под впечатлением увиденного здесь на Кубани А. М. Горьким. Но для начала несколько фрагментов, чтобы охарактеризовать этот регион в общественном восприятии граждан Российской империи.

Пожалуй, одним из первых представил нашу Кубань российскому сообществу выдающийся писатель А. П. Чехов. Впервые Кубань упоминается в его раннем рассказе «Барыня», опубликованном в 1882 г. Один из героев этого произведения Степан, сумел передать господствовавшее в российском обществе в годы великих реформ настроение.

«При виде Марьи в взбудораженных и опьяненных мозгах Степана вдруг мелькнула светлая мысль... Бежать отсюда,

бежать подальше с этой бледной, как смерть, забитой, горячо любимой женщиной. Бежать подальше от этих извергов, в Кубань, например... **А как хороша Кубань! Если верить письмам дяди Петра, то какое чудесное приволье на Кубанских степях! И жизнь там шире, и лето длинней, и народ удалее...** На первых порах они, Степан и Марья, в работниках будут жить, а потом и свою земельку заведут. Там не будет с ними ни лысого Максима с цыганскими глазами, ни ехидно и пьяно улыбающегося Семена...» [21, с. 271].

Стремление любыми путями попасть на Кубань, в эту неведомую и прекрасную страну — можно найти и в драматической зарисовке «На большой дороге», опубликованной после смерти А. П. Чехова в 1914 г. Действие происходит в кабаке некоего Тихона, где из-за непогоды чеховские персонажи вынуждены были остановиться. Между ними завязывается разговор:

«**Тихон.** Куда нелегкая несет? **Мерик.** В Кубань. **Тихон.** Эва! **Федя.** В Кубань? Ей-богу? (Приподнимается.) Славные места! Такой, братцы, край, что и во сне не увидишь, хоть три года спи! Приволье! Сказывают, птицы этой самой, дичи, зверья всякого и — боже ты мой! Трава круглый год растет, народ — душа в душу, земли — девать некуда! Начальство, сказывают... мне намедни один солдатик сказывал... дает по сто десятин на рыло. Счастье, побей меня бог!» [23, с. 189]

В рассказе А. П. Чехова «Воры» (1890 г.) снова появляется уже знакомый нам Мерик, он как бы шутя, говорит о своих планах:

«— Ужо узнаю, где у твоей старухи деньги спрятаны, убью ее, а тебе горлышко ножичком перережу, а после того зажгу постоянный двор... **а я с вашими деньгами пойду в Кубань, буду там табуны гонять, овец заведу...** Любка ничего не ответила, а только виновато поглядела на него и спросила:

- **Мерик, а хорошо в Кубани? Он ничего не сказал, а пошел к сундуку, сел и задумался; вероятно, стал мечтать о Кубани**» [22, с. 320].

Писатель намеревался погостить у старшего брата Александра в Новороссийске, но это желание так и не было осуществлено. Самое главное, что удалось А. П. Чехову в этих произведениях, так это передать настрой российского общества к Кубани, как к месту сокровенных мечтаний. Тема эта требует дальнейшей проработки. Интересные публикации на тему «Чехов и Кубань» имеются у кубанского филолога О. В. Спачиль [15].

В апреле 1891 г. «цеховой малярного цеха» с детства привычный к любой работе Алексей Пешков «после мучительных поисков своего пути, разочаровавшись в деятельности народнических кружков, в книжных, отвлеченных представлениях о жизни, ушел из Нижнего Новгорода в свое второе странствование по дорогам России» [7, с. 5]. На этот раз его путь пролегал по Волге до Царицына, затем по железной дороге до станции Филоново, оттуда через Донскую область, Украину, Новороссию, Крым, переправился из Керчи в Тамань и в августе 1891 г. начал свой путь по дорогам Кубани. Судя по произведениям и письмам М. Горького можно восстановить некоторые адреса этих мест: Анапа, Новороссийск, Геленджик, Майкоп, Армавир, станицы Ханская, Лабинская, долины рек Кубани, Лабы, Белой. Отсюда с товарищами направился по Военно-Грузинской дороге и пришел в ноябре 1891 г. в Тифлис, откуда летом следующего года вновь ходил в Черноморию и предгорные станицы Кубани. В пути Горький доставал деньги и еду и для себя, и для своего спутника Цулукидзе (Шакро Птадзе), образ которого ярко показан в нескольких горьковских произведениях и который не соглашался работать.

На Кубани М. Горький побывал во многих городах и станицах. Здесь его поразила резкий контраст жизни казачьих станиц: Бедность одних и сытое довольство других. «В станицах видел, — писал он позже, — что мещане живут беднее казаков. Скота у них гораздо меньше, волов особенно мало...» [5, с. 256] Впечатления от увиденного позднее воплотились в его рассказах «Дед Архип и Ленька»,

«Женщина», «Два босяка» и др. Оказавшись на Кубани летом 1891 г., М. Горький торопился в Майкоп, где, как он прослышал, начался «чумной бунт». Недалеко от Майкопа, в районе станицы Ханской, он неожиданно встретился со своими босяками, с которыми расстался в Крыму и где они его, кстати, обокрали, вытащив из его торбы две чистые рубашки и еще кое-что. Вдвоем с Михаилом Масловым они подрядились к богатому казаку, проводившему молотьбу хлеба. Будучи подручным Маслова, который трагически гибнет на глазах будущего писателя, он видит с каким упоением трудится этот «сильный, красивый и замученный до слез», бывший фабричный рабочий, который в романтическом вдохновении вступает в борьбу с молотилкой — бездушно-дьявольским порождением рациональных сил угнетения и отчаянно-весело мечет снопы в пасть нена сытной машины. «С меня лил градом пот, но, возбуждаемый криками Маслова, я махал вилами во всю мочь, с головой уходя в этот своеобразно поэтический и дикий процесс кормления деревянного зверя, стонавшего от жадности. Маслов, красный, потный, с оскаленными зубами, хрипло кричал, не переставая:

- Возись, девки!.. Мокрицы, ползай!.. Засыпай их снопами, ребята!..

Машина лихорадочно-торопливо щелкала челюстями и хрипела. Шум оглушал и опьянял. Проклятая машина, действительно, была безжалостна к нам, пожирая снопы с удивительной быстротой... Высоко подобрав подолы, девки на крыше метались, как бешенные, побуждаемые Масловым, а он, до плеч засучив рукава, изогнутый над барабаном, всклокоченный и красный, становился страшен в своем диком вдохновении... И вдруг он низко наклонился и весь дрогнул, точно его сильно дернули вниз... Что-то теплое брызнуло мне на руки и лицо... Маслов повозился и замер» [7, с. 83–84]. Маслов, по оценке И. Груздева, автора книги «Горький», изданной в серии ЖЗЛ, «один из самых трогательных образов первых «босяцких» рассказов Горького» [8].

Здесь, в Майкопе, незадолго до прибытия М. Горького произошли события, которые нашли отголосок в России. В связи с вспыхнувшей эпизотией (чумой) городские власти приказали согнать за Майкопом весь скот (здоровых и больных животных) и уничтожить его. Возмущенное население снесло ограды, разнесло и сожгло базы, выпустило скот, а ветеринара избили и выгнали.

15 июля 1891 г. из Екатеринодара в Майкоп прибыл помощник наказного атамана генерал-майор В. Я. Яцкевич и назначил в тот же день сход граждан. Толпа мещан и крестьян направилась к гостинице Карапетова, где остановился Яцкевич, и потребовала, чтобы он вышел к ним. На площади собралась трехтысячная толпа. Помощник наказного атамана побоялся выходить к возмущенной толпе и приказал разогнать собравшихся. К месту событий был вызван четвертый пластунский батальон, для расправы с народом. Казаки открыли стрельбу, убили 20 и ранили 70 человек. Расстрел мирного населения вызвал среди горожан глубокое возмущение, протесты и волнения в ряде станиц: Тульской, Белореченской, Новоджерелиевской, Усть-Лабинской и др. Писатель В. Г. Короленко назвал это событие «настоящей битвой» [2, с. 97]. О событиях в Майкопе писали многие газеты, в частности «Саратовский дневник» (10 августа 1891 г.) [17, с. 189]. В городе начались аресты. Хватали всех подозрительных, было арестовано около 200 чел. Внимание жандармов привлек и А. М. Горький, прибывший в Майкоп много позже после этих кровавых событий в сентябре, один, без спутников. Его схватили и посадили в недавно построенную тюрьму, где он пробыл с 18 по 21 сентября. Жандармский полковник, прибывший из Екатеринодара, осмотрев во время допроса, отобранные у А. М. Горького книги и тетрадку со стихами, поинтересовался, зачем арестованный оказался в Майкопе.

- Хочу знать Россию, — ответил Горький.

Полковник поморщился и сказал:

- Это не Россия, а свинство.

А. М. Горького, тем не менее, выпустили, но предложили незамедлительно покинуть Майкоп.

В газете «Русские ведомости» за 25 апреля 1892 г. о «чумном бунте» в Майкопе, произошедшем 15 июля 1891 г. появилась следующая корреспонденция: «Вчера закончилось дело о двадцати восьми лицах, обвиняемых в учинении беспорядков в городе Майкопе 15 июля прошлого года. Последствием этих беспорядков были тридцать девять жертв от выстрелов, произведенных войсками в толпу. Допрошено в течение девяти дней до трехсот свидетелей. Екатеринодарский окружной суд отверг обвинение в вооруженном восстании, купца Ерина и двенадцать обвиняемых оправдал, четырех за дерзости приговорил на один год в тюрьму, остальные десять за уличные беспорядки присуждены к двухнедельному аресту» [20, с. 187–189].

Позднее А. М. Горький неоднократно возвращался в переписке к теме чумного бунта, в частности, рассказал о нем корректору газеты «Кавказ», в прошлом народовольцу Н. Н. Флерову, с которым обсуждал итоги суда над участниками бунта в Майкопе. «Казаки прогнали и, помнится, избили санитарную комиссию за то, что — по их рассказу мне — инспектор распорядился согнать всех волов в одно огороженное место, где больные вола, постояв двое суток вместе со здоровыми, — заразили последних» [5, с. 258].

В ранних рассказах, написанных писателем во время посещения Кубани, А. М. Горький сумел показать, что грубость, жестокость, озлобление порождает сама бесчеловечная жизнь, тяжкие условия труда, беспросветное существование. Картины эксплуатации нарисованы им с реалистической конкретностью деталей и страстным разоблачением «хозяев жизни». Определяющей чертой творчества писателя является стремление к познанию жизни народа, постижению человека.

От Майкопа Пешков шел на Беслан, здесь велись в то время работы по прокладке железной дороги на Петровск, к берегу Каспийского моря. В конце октября, после

Владикавказ, Пешков снова соединился со своим спутником Цулукидзе. Его художественный образ хорошо представлен в рассказе «Мой спутник», опубликованном в 1894 г. с подзаголовком «Очерк» в нескольких номерах «Самарской газеты». Приведем небольшой отрывок из этого произведения, чтобы читатель прочувствовал разность восприятия одних и тех же явления различными социальными слоями общества, в частности, горской верхушкой — князьями и простыми людьми. «Дорогой он рассказывал мне о Кавказе, о жизни помещиков-грузин, о их забавах и отношении к крестьянам, — пишет А. М. Горький. — Его рассказы были интересны, своеобразно-красивы, но рисовали предо мной рассказчика крайне нелестно для него. Рассказывает он, например, такой случай:

«К одному богатому князю съехались соседи на пирушку; пили вино, ели чурек и шашлык, ели лаваш и пилав, и потом князь повел гостей в конюшню. Оседлали коней. Князь взял себе лучшего и пустил его по полю. Горячий конь был! Гости хвалят его стати и быстроту, князь снова скачет, но вдруг в поле выносится крестьянин на белой лошади и обгоняет коня князя — обгоняет и... гордо смеется. Стыдно князю перед гостями!.. Сдвинул он сурово брови, подозвал жестом крестьянина, и когда тот подъехал к нему, то ударом шашки князь срубил ему голову и выстрелом из револьвера в ухо убил коня, а потом объявил о своем поступке властям. И его осудили в каторгу...

Шакро передает мне это тоном сожаления о князе. Я пытаюсь ему доказать, что жалеть тут нечего, но он поучительно говорит мне:

- Князей мало, крестьян много. За одного крестьянина нельзя судить князя. Что такое крестьянин? Вот! — Шакро показывает мне комок земли. — А князь — как звезда!..

Мои доводы бессильны пред его непосредственностью, и то, что для меня было ясно, ему смешно. Когда я ставил его в тупик доказательствами превосходства моих взглядов, он не задумывался, а говорил мне:

- Ступай на Кавказ, живи там. Увидишь, что я сказал правду. Все так делают, значит — так нужно. Зачем я буду тебе верить, если ты один только говоришь — это не так, а тысячи говорят — это так?..

Видя, что меня не слушает его сердце, я снова обращался к его уму и говорил с ним о выгодах взаимопомощи, о выгодах знания, о выгодах законности, о выгодах, все о выгодах... Но мои доводы разбивались в пыль о каменную стену его миропонимания.

- Кто силен, тот сам себе закон! Ему не нужно учиться, он, и слепой, найдет свой дорога! — лениво возразил мне князь Шакро» [7, с. 158—159].

Как все это правдиво отражает господствовавшие в горском обществе Северного Кавказа в конце XIX - начале XX вв. нравы.

Высоко оценивал творчество А. М. Горького А. В. Луначарский. Их знакомство состоялось еще в 1905 г., когда они работали в редакции большевистской газеты «Новая жизнь». После поражения первой русской революции Луначарский, чтобы избежать ареста, эмигрировал из России. В ноябре 1907 г. он встретился с Горьким во Флоренции. Постоянным местожительством Горького стал в это время остров Капри. Здесь он поселился после поездки в 1906 году в Америку, так как возвращение в Россию угрожало ему немедленным арестом. На Капри Горький прожил с конца 1906 г. по 1913 г. Здесь же поселился, по приглашению М. Горького, в январе 1908 г. и А. В. Луначарский, прожив на Капри несколько лет.

А. В. Луначарский всегда с восторгом отзывался о своем друге, говорил, что Горькому пришлось многое пережить в жизни, нырнуть еще глубже, почти до самого дна, до того дна, которое он не раз так вдохновенно описывал.

В речи на пленуме Моссовета в 1928 г., посвященной сорокалетнему юбилею творческой деятельности М. Горького, говорил, что, будучи человеком, хлебнувшим горя, он [Горький] прекрасно знал ту действительность, в которой живет большинство человечества. Он испытал всю ее горечь

и обиды на себе самом и видел тысячи и десятки тысяч примеров того же вокруг себя. Чувство горечи, огромной обиды за надругательство над человеком — одно из доминирующих чувств, которое смолоду развилось в Горьком.

А. В. Луначарский отводил Горькому ведущее место в новой, юной пролетарской литературе, справедливо оценив не только его первоклассный талант, высокохудожественную форму и значительное содержание произведений, но и их идейную направленность: «Горький ... воздвиг себе памятник, который не только никогда не будет забыт, но который надолго останется источником животворной энергии, направленной совершенно определенно на помощь борьбе лучшего в человеке, за власть над природой, против уродств собственнического общества, против слабого, темного и корыстного в себе самом, словом — за осуществление коммунизма — великой и светлой цели многих поколений. Огромное, исключительное значение Горького заключается в том, что он является первым великим писателем пролетариата, что в нем этот класс, которому суждено, спасая себя, спасти все человечество, впервые осознает себя художественно, как он осознал себя философски и политически в Марксе, Энгельсе и Ленине» [12]. Можно во всем и не соглашаться с А. В. Луначарским, но в том, что А. М. Горький, будучи человеком сам хлебнувшим горя, был защитником обездоленных, боролся за социальную справедливость, за утверждение в обществе равноправия, товарищеской взаимопомощи, то все эти постулаты жизни подтверждаются всем художественным творчеством великого писателя.

Особая страница в творчестве А. М. Горького его роль в становлении младописьменных литератур и, в частности, литератур северокавказских народов. Некогда бесписьменная до Октября 1917 г. адыгейская литература получила мощный толчок в своем развитии, когда на собранные и опубликованные впоследствии произведения устного народного творчества была получена оценка А. М. Горького. Велики заслуги ростовского писателя П. Х. Максимова в деле собирания, публикации и изучения адыгских сказок в советское время.

Достаточно сказать, что первый сборник адыгских сказок, изданный после Октябрьской революции, был подготовлен П. Х. Максимовым. Ростовское издательство обратилось с просьбой к А. М. Горькому дать оценку, собранным произведениям устного народного творчества адыгов.

В рецензии на этот сборник, А. М. Горький писал издательству: «Адыгские сказки, судя по этим образцам, весьма интересны и ценны общностью своих мотивов со сказками других народов. Общность эту, я вижу в сказке «Мулла-колдун», которая сюжетно явно родственна сказкам о попе-оборотне, аббате и жреце-волшебниках. Так как сказки древнее христианской литературы, у нас есть основания думать, что «святые чудотворцы» церкви сочинялись именно по сказкам такого типа, как сказки о мулле, и, наоборот, можно думать, что многие сказки о фокусах волшебников создавались в противовес церковной литературе, по мотивам полемическим и сатирическим. Очень интересна сказка о зайчихе, лисе и волке, помощнике старшины, — она обнажает социальные отношения людей, чего обычно в сказках о животных не видят. Крайне жаль, что сказок собрано мало. Ценность адыгейских сказок увеличивается еще и тем, что в них зло везде побеждено. Это — хорошее свидетельство о здоровье народа. 22.1.1935 г. (Москва)» [1, с. 3]

Высокая оценка этого сборника А. М. Горьким, сыграла свою роль в активизации сбора и публикации сказочного жанра адыгского фольклора. В 1937 г. книга была переиздана в Москве. В нее вошло 17 сказок, из них — 7 бытовых. Издание адыгейских сказок 1937 г. включало 4 бытовые сказки: «Сварливая жена», «Хорошая жена», «Крестьянин — брадобрей», «Приключение странника» — из материалов фольклорной экспедиции Адыгейского научно-исследовательского института.

Следует отметить, что с такими социально заостренными бытовыми сказками, как «Крестьянин-брадобрей», где крестьянин-кровник мстит князю, и «Приключение странника», где князь оказывается самым глупым в краю, от-

мечает Ж. Г. Тхамокова, мы встречаемся впервые в книге П. Х. Максимова. В большой вступительной статье «Народ-оптимист» («Об адыгейском народе и его сказках») П. Х. Максимов приводит интересные сведения о бытовании сказок, об адыгских сказочниках и певцах. Обе книги, изданные П. Х. Максимовым, закладывали основы научного издания адыгских сказок. Тексты сопровождают примечания и комментарии. Основной недостаток, снижающий научную ценность публикации П. Х. Максимова, — литературная обработка текстов и даже запись их по памяти, — в чем признается сам составитель [18, с. 13].

Плодотворное сотрудничество П. Х. Максимова с адыгейским научно-исследовательским институтом продолжалось и после Великой Отечественной войны, когда был выпущен ряд сборников адыгских сказок. [18, с. 13–14] Следует особо подчеркнуть, что произведения А. М. Горького «Песнь о Буревестнике» и «Песнь о Соколе», стали одними из первых произведений русской художественной культуры, переведенных на адыгейский язык. Они были опубликованы в сборнике «Свободный адыг» в 1929 г. и вошли в хрестоматии по литературе для 8, 9, 10 классов по литературе.

Тема «Максим Горький и адыги» широко представлена в творчестве выдающегося адыгского литературоведа и критика, профессора Абу Схалыхо [17, с. 510–519]. С особым интересом воспринимается следующее письмо А. М. Горького:

«В «Севкавказкнигу»

Уважаемые товарищи!

Прошу Вас, пожалуйста, пошлите мне заказной бандеролью — Италия Соренто М. Горькому нижеследующие книги:

Гатуев: Зелим-Хан.

Казбек Мишуриев: Калым.

Умар Алиев: Карачай.

Умар Алиев: Адыгея.

Любимова: Как живет и работает женщина Кавказа.

Брошюра «Труженица Востока».

Деньги вышлют Вам из Москвы, переводить отсюда слишком канительно.

Мой привет

А. Пешков. Адрес: Italia, Sorento, M. Gorki. 18.XII.1927» [13, с. 142–143].

13 января 1928 г. А. М. Горький сообщал Павлу Максимову, что заказанные им книги пришли в Соренто.

Он высоко оценил произведение К. Мишуриева «Калым», был знаком с произведениями И. Цея, Т. Керашева, А. Хаткова. Ознакомившись с произведениями адыгских писателей, он выразил твердую убежденность в том, что адыгской литературе суждено большое будущее. Именно по рекомендации А. М. Горького было обращено пристальное внимание на развитие устного народного творчества адыгов, и началась подготовка к первому съезду писателей и народных сказителей (ашугов) Адыгеи, который и был проведен 11–15 декабря 1936 г.

Весьма перспективными с нашей точки зрения представляются исследования о роли восточно-славянского фольклора в формировании сюжетного репертуара адыгских бытовых сказок. Установлено, что многосторонние связи адыгов (черкесов) имеют давнюю историю. По историко-археологическим сведениям, экономические и культурные связи Северного Кавказа с восточно-славянским миром восходят к III тысячелетию до н. э. Это не могло не сказаться на взаимном влиянии их культур. Известный исследователь Л. И. Лавров отмечает ряд общих черт в материальной и духовной культуре восточных славян и адыгов (черкесов), трактуемых им как следы их культурных взаимовлияний в IV–IX вв. В частности, в восточно-славянских языках автор находит адыгские слова, отмечает схожесть жилищ рассматриваемых народов. В XI в. в состав дружины черниговско-тмутараканского князя Мстислава входили касоги (адыги) [18, с. 113]. Нет сомнения в том, что на традиционную культуру русского и украинского населения Кубани оказала влияние и культура народов Кавказа. Наиболее сильным это влияние было

во всем, что касалось, как отмечают многие исследователи, военного быта. Воинская форма казачества, его вооружение, конская упряжь и т. п. создавались по образцу кавказских. Решению этой сложной проблемы, работающей на укрепление мира и взаимопонимания между народами в северо-кавказском регионе направлены усилия созданного в 2005 г. в соответствии с рекомендацией Президента Адыгеи Х. М. Совмена отдел славяно-адыгских связей в Адыгейском республиканском институте гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева. Несмотря на небольшой срок со времени создания, отдел в тесном контакте с ведущими научными учреждениями северо-кавказского региона, отраслевых исследовательских центров, занимающихся проблемами межнациональных отношений, организовал и провел более десяти научных конференций и симпозиумов по этой тематике, результаты и рекомендации которых опубликованы и встречены благоприятно общественностью, исполнительной и законодательной властью региона и используются в социально-политической практике.

В этой связи хотелось бы привести мысли основоположника адыгейской письменной литературы, лауреата Государственной премии СССР Т. М. Керашева, высказанные им в день 85-летия со дня рождения.

17 августа 1987 г. мы, представители Адыгейского научно-исследовательского института (АНИИ), пошли к Т. М. Керашеву, чтобы вручить ему приветственный адрес, в связи с 85-летием со дня рождения. Со мной (тогда я был ученым секретарем института) были зав. отделом литературы АНИИ А. А. Схалыхо, работники института. После встречи состоялась очень интересная беседа. Сразу же по возвращению я записал эту беседу. Вот некоторые фрагменты. Говоря о фольклоре, Т. М. Керашев заметил:

- В первые годы исследования фольклора мы сняли самые сливки. Задача сейчас состоит в том, чтобы вести еще более углубленные исследования. Наш фольклор самобытен, неповторим. Вот, к примеру, в сказках других народов лиса всегда изображается самым хитрым зверем, а у нас и ее

обманывают, например, кабан, в сказке о том, кто раньше появился на свет.

И далее он подробно изложил этот сюжет. Много позже я искал аналогии, и поиск увенчался успехом. В румынской сказке еж оказался хитрее лисы. Сюжет этой сказки состоит в том, чтобы определить, кто быстрее. Лиса и еж бегут наперегонки. Но только еж оказался хитрее. Как только был дан старт, он зубами вцепился в хвост лисы. И когда лиса запыхавшись, достигает условного места и громко спрашивает: «Ежик, а где же ты?» Ежик, как ни в чем не бывало, спрыгнув с хвоста, отвечает: «А я уже заждался тебя здесь!», выходя из-за спины. И так было несколько раз. Лиса признала себя побежденной.

Говоря о литературе, ее влияния на читателей Т.М. Керашев заметил:

- Отношение к своим писателям, своей литературе — важнейший показатель культуры всего народа. В произведениях писателей каждый из нас хочет найти свои сокровенные мысли, свое я...

И это действительно так. При этом замечу, что его высказывание, на наш взгляд, относятся к произведениям настоящей художественной литературы, а не к тому «читиву» в ярких обложках заполонившему сегодня книжный рынок.

- В каждом из нас, — продолжал Тембот Магометович, — живет много чудовищ (пороков). Сила человека, его разума состоит в том, что он умеет держать их в узде...

И снова, и снова мы в своей беседе возвращаемся к теме «адыгагъэ», «адыгэ хабзэ» — морально-этического кодекса адыгов (черкесов). Говорим о тех колоссальных изменениях, которые произошли в жизни адыгов с начала 20-х годов XX в. Кому как не ему судить об этих изменениях. И здесь он делает весьма существенное замечание:

- Адыги могли играть, шутить со смертью, могли презирать ее, они ее не боялись. Но страшнее смерти было общественное мнение, которым они дорожили. Как актуальны эти слова. Мне и моим коллегам, занимающимся воспитанием

подростающего поколения, часто приходится встречаться с таким явлением, когда молодые люди не дорожат авторитетом своих родителей. Каждый поступок, а тем более проступок, свидетельствует об уровне воспитания. Не случайно адыги спрашивают у таких «героев» не его имя или фамилию, а чьим сыном или дочерью они являются. Хорошо помню себя и своих товарищей, 14–15-летних юношей и девушек. Случалось, во время учебы получали «тройки» и даже «двойки». Нам становилось очень стыдно, что о наших «успехах» узнают родители, и мы старались хорошо учиться [12, с. 120–121]. Все это заложено в нас творчеством Максима Горького, Леонида Леонова, Михаила Шолохова, Александра Фадеева, Тембота Керашева, Расула Гамзатова, Исхака Машбаша и других выдающихся деятелей многонациональной российской литературы, их художественным словом. Именно это поколение, родившееся в годы революционных потрясений начала XX в., пролетарской революции 1917 г., и воспитанное на произведениях А.М. Горького, смогло выстоять в годы величайшего противостояния сил добра и зла в годы II мировой войны, одержать победу и спасти мировую цивилизацию от коричневой чумы.

Сегодня сменились приоритеты, изменился общественно-политический строй. Человек, как высшая ценность общества, социальная справедливость, равноправие, коллективизм и товарищеская взаимопомощь, обеспечивавшие морально-политическое единство народа, и за что боролся в своих произведениях А.М. Горький, все это, к сожалению, уходит в прошлое. Это стало возможным благодаря неустанной работе СМИ, а также новоявленных «демократов» и «либералов». Но за то, чтобы эти ценности утвердились в общественном сознании всех граждан страны, боролся А.М. Горький, поскольку эти ценности непреходящи.

Р.С. Листая свои архивы, наткнулся на очень интересное сообщение ТАСС в газете «Правда» от 28 марта 1968 г. Вот оно:

«Алексею Максимовичу Горькому

27 марта, в канун столетия со дня рождения великого пролетарского писателя А. М. Горького, руководители Коммунистической партии и Советского правительства возложили венок к Кремлевской стене, где похоронен основоположник советской литературы. На лентах венка надпись: «От ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР Алексею Максимовичу Горькому».

Венок возлагали товарищи: Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, А. Н. Шелепин, Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, П. Н. Демичев, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов, Ф. Д. Кулаков, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев».

Все вышеперечисленные товарищи составляли высшее политическое руководство страны — Политбюро ЦК КПСС и Секретариат ЦК КПСС. Что-то не встретил я в этом году сообщения о возложении венков к могиле А. М. Горького высшим руководством страны.

Использованная литература

1. Адыгейские сказки / Пер. и лит. обработка П. Максимова и Т. Керашева. Илл. А. Глуховцева. Майкоп: Адыгнаиздат, 1946.
2. Аутлев П. У. Адыгея в хронике событий (с древнейших времен до 1917 года). Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1990.
3. Ачмиз Г. У. Ачмиз К. Г. Прикосновение к подвигу. Майкоп: Адыгея, 2005.
4. Ачмиз К. Г. Кавказская война в исторической памяти народов России: Сб. статей. Майкоп: Полиграф-Юг, 2015.
5. Веленгурин Н. Ф. Дорога к лукоморью. От Пушкина до Горького. Писатели в нашем крае. Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1976.
6. Герасименко А., Санеев С. Новороссійскъ — от укрепления к губернскому городу. Краснодар: Эдви, 1998.
7. Горький М. Рождение человека: Рассказы / Сост., предисл., примеч. Л. А. Степанов. Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1985.

8. Груздев И. Горький [Электронный ресурс] // Profilib: Электронная библиотека. URL: <https://profilib.net/chtenie/118764/ilya-gruzdev-gorkiy-13.php> (дата обращения 20.02.18).

9. Екатеринодар — Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1993.

10. Куценко И. Я. Кубанское казачество. 2-е изд., доп. Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1993.

11. Ленин В. И. В лакейской // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1970. С. 139–145.

12. Луначарский, А. В. Максим Горький [Электронный ресурс] // Наследие А. В. Луначарского. URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-2/maksim-gorkij-rech> (дата обращения 20.02.18).

13. Максимов П. Учитель и наставник // На подъеме. 1932. № 11. С. 42–43.

14. Очерки истории Краснодарской организации КПСС. Изд. 2-е, доп. Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1976.

15. Спачиль О. В. «В марте еду в Кубань. Там amare et non morire» (О мифопоэтике А. П. Чехова) // Культурная жизнь Юга России. 2013. № 2, С. 51–54.

16. Степанов Л. А. Быть на земле человеком // Горький М. Рождение человека: Рассказы / Сост., предисл., примеч. Л. А. Степанова, Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1985. С. 5–14.

17. Схаляхо А. А. Максим Горький и адыги // Схаляхо А. А. Избранные литературоведческие труды в трех томах. Т. 3. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2014. С. 510–519.

18. Тхамокова Ж. Г. Адыгская бытовая сказка (Сюжетный состав в сравнительном освещении). Нальчик: Изд. отдел Кабардино-Балкарского ин-та гуманист. исследований, 2014.

19. Успенский Г. Письма с дороги // Успенский Г. Кой про что. Письма с дороги. Сборник произведений. М.: Директ-Медиа, 2016. С. 462–814.

20. Хрестоматия по истории Кубани. Документы и материалы. Часть I. Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1975.

21. Чехов А. П. Барыня // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 1. Рассказы. Повести. Юморески, 1880–1882. М.: Наука, 1974. С. 253–272.

22. Чехов А. П. Воры // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 7. [Рассказы. Повести], 1888–1891. М.: Наука, 1977. С. 311–326.

23. Чехов А. П. На большой дороге: Драматический этюд в одном действии // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 11. Пьесы, 187–1888. М.: Наука, 1976. С. 181–204.

24. Энциклопедический словарь по истории Кубани. С древнейших времен до октября 1917 г. / Сост. Б. А. Трехбратов Краснодар: Эдви, 1997.

Kazbek G. ACHMIZ

Dr. Sci. (National History), Head, Department for History,
Adyghe Republican Institute for Humanities,
Maykop, Russia
kazbek.achmiz@mail.ru

Chronicler of the Truth of Life (Maxim Gorky and the Kuban Region)

The article is devoted to the role of Kuban in the creative development and professional development of A.M. Peshkov (M. Gorky), who, according to his own statement, appeared in the world "to disagree" and the artistic word to fight for the establishment in society of ideas of social justice, collectivism, equality, friendly mutual assistance. The days of Gorky's stay in Maykop during the "plague riot" are described in detail. A separate section of the article devoted to the influence of A.M. Gorky on the formation and development of minor literatures, in particular, the Adyghe. It is emphasized that "The Song of the Petrel" and "The Song of the Falcon" by A.M. Gorky became one of the first works of Russian art culture translated into the Adyghe language. The author draws attention to the fact that the high rating of the first (prepared by H. Ph. Maximov) collection of the Adyghe fairy tales given by A.M. Gorky stimulated the intensification of collecting and publishing fairy-tale genre of the Adyghe folklore.

Keywords: Maxim Gorky, tramp, Highlander, Inogorodnie (literally, "from other cities"), Cossack, burghers, folklore, Adyghe literature.